

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

**Измена
в имени твоём**

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13   **Измена в имени твоём / Чингиз Абдуллаев.** — Москва : Эксмо, 2025. — 256 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-04-221381-6

Полковник русской разведки Марина Чернышева отправляется в Германию. После развала социалистической системы связь с агентами во многих странах оборвана. Марина получает задание восстановить эту связь. И для достижения своей цели она использует весьма своеобразные средства...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221381-6

© Абдуллаев Ч.А., 2021
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

Из прежних моих поучений
вы могли вывести, что мужчи-
на — дурак; теперь вам извест-
но, что женщина — дьявольская
дура.

Марк Твен
Письма с Земли.
Письмо восьмое

Большинство фамилий названных здесь лиц изменены. Почти все приведенные факты соответствуют действительности. Автор приносит извинения людям, так или иначе изображенным в романе.

Вместо вступления

Повсюду царило ликование. Прорвавшие Берлинскую стену люди веселились прямо у Бранденбургских ворот, столько десятилетий служивших символом раздела немецкой нации. Ненавистную Стену крушили, к восторгу собравшихся, прямо на глазах. Били кирками, молотками, просто руками. Молодые парни и девушки танцевали на Стене, размахивая руками. В эту ночь два Берлина, бывшие столько лет разными городами, наконец объединились. Хлынувшие с Восточной стороны толпы народа прорвали Стену и соединились со своими родными и близкими с другой стороны города.

Он был одним из немногих, кто в эту ночь не разделял восторга собравшихся. Старательно объезжая места особого скопления лю-

дей, он искал любую возможность проехать из Западной зоны в Восточную. Но сегодня, когда перестала существовать граница и была разрушена Стена, сделать это было непросто. Казалось, можно пройти откуда угодно. Пограничники в эти дни словно позабыли о своих обязанностях. Но идти через контрольные пункты было невозможно. Повсюду стояли толпы людей.

Пробившись к одному из подобных пунктов, он около часа пытался пробиться на Восточную сторону. Люди в эту ночь словно обезумели, многие жители Восточного Берлина стремились попасть в Западный. Пограничные пункты ранее были символами раздела не только Берлина, не только немецкой нации, но и всего мира, четко поделив его пополам. Слово построенная за одну ночь, Стена оказалась зримым воплощением безумного мира, разделившегося на два лагеря и пытавшегося победить в ожесточенной «холодной» войне.

Наконец он сумел вырваться из толпы и быстро зашагал по улице. Машину пришлось оставить в Западном Берлине. В эти ночные часы улицы Восточного Берлина были непривычно пусты. Слово все население города было стянуто к Стене. Конечно, это была толь-

ко видимость. Толпа, состоящая в основном из молодых людей, определяла настрой города. Пожилые люди, не согласные с ними, предпочитали отсиживаться дома.

Ему пришлось идти минут пятнадцать, пока наконец он не свернул на тихую улицу в поисках телефонного автомата. Подойдя к телефону, он еще раз оглянулся. Быстро поднял трубку, набрал номер.

— Это я, — сказал он торопливо, — только что прибыл с другой стороны. У меня срочное сообщение от Барона.

— Где ты находишься? — спросил его знакомый голос.

Он назвал адрес.

— Я сейчас приеду, — пообещал его собеседник. — Жди меня на месте. Никуда не отлучайся.

Он повесил трубку.

Через пятнадцать минут подъехала темно-синяя «Шкода». Он хорошо знал сидевшего за рулем. И, не раздумывая, нырнул в машину.

— Добрый вечер, — сказал прибывший, — где твоя машина?

— Оставил на другой стороне. На машине сегодня ночью проехать невозможно.

— Понятно, — мрачно кивнул встречавший гостя. — Все словно сошли с ума. Устроили

такую вакханалию... Какие сведения от Барона? — Он мягко тронул автомобиль, оглядываясь назад. Все было спокойно.

— Он просил передать, что имеет точные данные, подтверждающие активизацию западногерманской разведки в Югославии. С участием сотрудников восьмого управления Министерства обороны и представителей Министерства иностранных дел разрабатывается план по дестабилизации положения в этой стране и, как следствие, развал ее на несколько автономных частей, включая Хорватию и Словению, через которые будущая Германия сможет выйти к Средиземному морю.

— Будущая Германия, — зло усмехнулся сидевший за рулем, — кому это все нужно? Какая она будет?

— Я просто передаю его сообщение, — связанному не нравилось настроение приехавшего, но он не стал с ним спорить.

— Вон там будущая Германия, — показал его собеседник, — орут от радости. Завтра они пойдут приступом на наше ведомство, и уже завтра вечером мы все будем висеть на фонарных столбах. Эгон Кренц оказался просто болтуном. А Хонеккер не мог больше оставаться. Его бы не поддержал Горбачев, а без русских танков мы ничто. Блеф. Пустое место. — Он резко

свернул к каналу, проезжая мимо равнодушно стоявшего пожилого прохожего. Тот, похоже, никуда не спешил.

— Это не мое дело, — строго ответил связной, — я должен сегодня вернуться в Западный Берлин.

— И ты тоже такой, — зло сказал встречающий, — все вы бывшие моралисты. А сам наверняка радуешься, что успел вовремя устроиться в Западном Берлине. И теперь не пропадешь в любом случае.

— Я выполнял задание.

— Знаю я ваши задания. Только ходите туда и обратно. А мы все сидели в этом дерьме. Тебе ничего не грозит, ты у нас чистенький. Документы в порядке, образцовый гражданин Западной зоны. А нам всем что делать? Куда бежать? В Советский Союз? Так где гарантия, что Горбачев не выдаст нас, если сдал всю нашу страну, целиком, без остатка.

Он подъехал к каналу и остановился недалеко от моста.

— У тебя нет никаких директив для агентыры? — Связному все меньше нравился этот разговор.

— Ты так торопишься?

— Конечно. Мне нужно быстрее вернуться... Так есть какие-нибудь директивы?

— Есть, — усмехнулся его собеседник, — конечно, есть. Сейчас я их тебе вручу.

И, достав из внутренней кобуры пистолет, он, не раздумывая, выстрелил в сидевшего рядом с ним человека, вышибая ему мозги. Салон машины забрызгала кровь.

— Директивы, — скрипнул зубами встречающий, — ему еще нужны директивы. Проклятые сволочи! Испортили мне всю жизнь.

Выйдя из автомобиля, он перетащил тело убитого на свое место. Быстро обыскал карманы, доставая из них документы, деньги и ключи от машины. Затем, достав свой паспорт и несколько ненужных бумажек, сунул их в карман убитого. Тщательно вытер рукоятку пистолета и вложил его в левую руку погибшего, чтобы была версия самоубийства.

— Директивы, — все время хрипел он от ненависти, — им еще нужны директивы.

Поставив автомобиль на холостой ход, он вылез из него и толкнул машину по направлению к каналу. Через несколько секунд послышался удар о легкие деревянные ограждения, поставленные здесь рабочими. Машина, проломив препятствие, почти беззвучно вошла в воду. Он еще некоторое время смотрел, как наполняется водой салон и его «Шкода» уходит под воду. И только когда все было кончено,

тяжело вздохнул, словно действительно расставался с прежней жизнью. Раз и навсегда. Позади был трудный путь. Впереди ждала неизвестность. Но она его уже не пугала.

Он еще раз посмотрел на то место, где исчезла машина, и пожал плечами, словно оправдывая сам себя.

— Директивы, — сказал он нервно, — какая все это глупость.

Глава 1

ПОЛГОДА СПУСТЯ

Он сидел в автомобиле и терпеливо ждал, когда удастся въехать на основную дорожку, ведущую ко входу в туннель. На часах было уже половина пятого, и он начинал нервничать, постукивая пальцами правой руки по рулю. В любом случае нужно было ждать, пока наконец рассосется эта гигантская пробка, протянувшаяся от самого Нью-Йорка до Манхэттена.

Он еще надеялся, что удастся проскочить этот туннель, сумев выехать на Манхэттен до того, как машины, следовавшие одна за другой, плотно сольются в единый автомобильный поток, из которого уже будет невозможно выбраться. Но он ошибся. Впрочем, это и неудивительно. Пока улаживались

все необходимые формальности в аэропорту, пока он ждал прибытия самолета из Берлина и, наконец, пока появился этот Шмидт, прошло более трех часов. И все три часа в аэропорту он нервничал, ожидая в любой момент громких криков полиции либо таможенных служб. Он даже предъявил свой дипломатический паспорт и получил специальную карточку, чтобы пройти внутрь, поближе к стойкам сотрудников иммиграционных служб, которые проверяли всех прибывших в страну гостей.

Но все прошло благополучно. Шмидт появился, правда, одним из последних, проходя паспортный контроль. С визой все было в порядке, и он вышел на площадку без чемоданчика, который предусмотрительно сдал в багаж. Никогда в жизни они так не ждали появления багажа на линии транспортера, как в этот раз. Но наконец чемоданчик был получен и сейчас лежал на переднем сиденье его автомобиля, рядом с водителем. А сам Шмидт улетел обратным рейсом в Берлин. Опасаясь опоздать к самолету, он не успел даже выпить своей чашечки кофе.

Теперь, сидя за рулем, водитель иногда поглядывал на этот чемоданчик. Может, в нем действительно заключался какой-то выход

из той тупиковой ситуации, в которую они все попали? Или это была лишь иллюзия спасения. Он еще не знал ответа на этот вопрос, но понимал, что должен прибыть в посольство как можно быстрее.

Советник постоянного представительства Германской Демократической Республики при ООН Андреас Грунер был сравнительно молод. Ему шел тридцать шестой год. Высокий блондин, с резкими, будто высеченными чертами лица, он являл собой почти нордический тип, обладая к тому же высокой подвижной фигурой с развитой грудной клеткой спортсмена. Для непосвященных он был всего лишь высокопоставленным дипломатом. И только немногие посвященные знали, что Андреас Грунер был резидентом восточногерманской разведки в Нью-Йорке, успешно осуществляя свою истинную деятельность под дипломатическим прикрытием.

Несмотря на почти летнюю солнечную майскую погоду, Грунер был в темном костюме. Он действительно сознательно выбрал одежду не по сезону, ибо в этот темный костюм, надеваемый на дипломатические приемы, был вмонтирован специальный скэллер, позволявший исключать возможность прослушивания разговоров его владельца.

Включив кондиционер, он посмотрел на часы. Если так пойдет и дальше, на работу в свой офис он придет не раньше шести вечера. А ему еще нужно повидать Земпера, заместителя постоянного представителя, который обязан передать ему тот самый конверт с инструкциями.

Но на этот раз ему повезло. Автомобили перед ним двигались все быстрее и быстрее. И наконец он выехал к туннелю, миновав который можно было более спокойно двигаться в сторону центра Манхэттена, где находилось и их представительство. К зданию он подъехал без двадцати шесть. Кивнул улыбавшемуся дежурному охраннику, сидевшему внизу, и вошел в лифт, держа в руках полученный в аэропорту чемоданчик. В здании располагалось сразу несколько постоянных представительств. Он поднялся на свой этаж. Привычно позвонил в дверь. Никто не отозвался. «Неужели все ушли, — нахмурился Грунер. — И Земпер тоже? Это на него не похоже. Он обычно был так пунктуален».

Грунер позвонил еще раз. Снова никто не отозвался. Он достал свои ключи и, отперев первую дверь, вошел в небольшой коридорчик. Если его видят, они должны открыть ему вторую дверь. Она открывается автоматиче-

ски, как, собственно, и первая. Но снова никакого намека на то, что его увидели. Он достал ключи от второй двери. Открыв ее, шагнул внутрь. Неужели Земпер действительно уехал, не дождавшись его? Но в коридоре горит свет. Он прошел к комнате постпреда. Дверь заперта. И хотя у него были ключи от всех кабинетов, эта дверь сейчас интересовала его менее всего. Прошел дальше. Так и есть, у Земпера горит свет. В таком случае почему этот идиот не открыл дверь? Грунер с мрачным лицом толкнул дверь в кабинет Земпера.

За столом, положив голову на руки, сидел Земпер. Он, кажется, даже не услышал вошедшего Грунера. И лишь когда Грунер подошел совсем близко, он поднял голову. Глаза были опухшие, красные. Или он плакал?

— Что случилось? — спросил Грунер. — Почему вы не открываете мне дверь?

— Они пошли на все условия, — неуверенно выдал Земпер.

— Что произошло?

— Правительство согласилось подписать все условия Коля. Уже к концу года произойдет полное объединение страны, — сказал, тяжело дыша, Земпер. — У нас с вами больше нет нашей страны, герр Грунер. Германской

Демократической Республики больше не существует.

— А куда делись все наши сотрудники? — не сообразил Грунер.

— К нам позвонил из постпредства ФРГ какой-то клерк и приказал всем явиться к их постоянному представителю ровно в шесть часов. Вот наши туда и поехали.

— Как «поехали»? — нахмурился Грунер. — Все бросили работу и поехали в их представительство?

— Конечно. Все понимают, что нашей страны больше нет. Теперь произойдет объединение и двух представительств. Каждый из них хочет уцелеть в Нью-Йорке. Поэтому поехали все.

— И наш постпред тоже?

— Он в Вашингтоне, у нашего посла.

— А остальные? Неужели Майснер тоже поехал? — не поверил Грунер.

— Он агитировал всех остальных, — вздохнул Земпер. — Никогда бы не подумал, что люди способны так измениться. Вы ведь помните, каким неистовым поборником идеи был Майснер. Ведь он был секретарем нашей парт-организации. А сегодня сам опечатал кассу и запер всю партийную документацию в своем

сейфе. Говорит, никогда не верил в этот хонеккеровский социализм.

— Вот сукин сын, — беззлобно заметил Грунер, — а вы почему не поехали? Из-за меня?

— Я... я не могу, — сказал Земпер, — не из-за вас. Хотя я обязан передать вам конверт. Но не из-за вас. Просто я не могу. И не хочу. Меня слишком многое связывало с той, уже несуществующей страной. Вы ведь знаете, Грунер, что я вступил в партию еще во время войны. Потом мы вместе с русскими восстанавливали Берлин. Я был совсем молодым человеком. Я не могу изменять своим принципам. Это не для меня.

— Поэтому вы сидите здесь, — понял наконец Грунер. — Шли бы лучше домой.

— Мне позвонила Марта, — вздохнул старик, — она боится за нашего сына. Он работал в «Штази». Что сейчас будет, Грунер? Они наверняка все останутся без работы? Или их посадят в тюрьму?

— Не знаю, — угрюмо ответил Грунер, вспомнив о собственной судьбе, — я ничего не знаю. Во всяком случае, при любом варианте событий не следует сидеть здесь и плакать. Идите лучше домой. Или примите реальность, как это сделал Майснер.

Старик покачал головой. Потом медленно поднялся, подошел к своему сейфу, открыл его и достал запечатанный конверт.

— Это для вас, — протянул конверт и, не удержавшись, спросил: — А вы не поедете к этим типам, в их постпредство?

— Я подумаю, — сквозь зубы ответил Грунер.

Он вышел из кабинета, не забыв захватить с собой чемоданчик. Прошел к своей комнате. Открыл и вошел внутрь. Закрыл дверь и прислонился к ней, словно боясь, что кто-то может войти. Он закрыл глаза. Этого следовало ожидать. После того как осенью прошлого года пала Берлинская стена, все стало окончательно ясно. Его государство было обречено на заклятие. Вопрос был лишь во времени. Оказалось, что времени у них совсем нет. Он открыл глаза и посмотрел на лежавший рядом с ним чемоданчик. Он знал, что в нем может быть. Именно поэтому Шмидт так спешно летел в Нью-Йорк. И так же быстро улетел отсюда, чтобы успеть вернуться ночью в Берлин, уже ставший единым городом, хотя формально и находящийся в двух государствах.

Грунер поднял конверт и не спеша раскрыл его. Достал листок бумаги, стал медленно чи-

тать текст, отпечатанный за несколько недель до сегодняшнего дня. Или они все предусмотрели еще тогда?

«С момента получения данного сообщения вы переходите на нелегальное положение. И начинаете операцию «Переход», цель которой вам известна. Полученная сумма денег должна быть размещена на счетах местного отделения «Сити-банка». Связь через известный вам канал в Буэнос-Айресе. Желаем успеха».

Он понял, что все действительно давно решено. Они успели подготовиться к такому событию. Неужели предвидели действительно все? В том числе и поведение таких мерзавцев, как Майснер. Или предвидеть все вообще невозможно? Он по-прежнему стоял, прислонившись к двери. Несчастный Земпер. Все, во что он верил, оказалось разрушенным. Больше не было ни его страны, ни его партии. Как все это должно быть для него страшно.

Грунер наклонился к чемоданчику, поднял его и положил на стол. Набрал нужный код, достал ключи, открыл замок. Чемоданчик был плотно набит стодолларовыми купюрами. Здесь было ровно три миллиона долларов, это Грунер уже знал. Сверху лежала папка. В ней находились билет на сегодняшний ночной